

Преуспел тот, кто очистился.

СУРА «ВСЕВЫШНИЙ»

Пролог

Кто родится чистым от нечистого?

Ни один.

Книга Иова

Больше всего Лиля боялась за тесто: молоко оказалось задумчивым, батареи грели так себе, хоть на кастрюлю садись, чтобы поднялось поскорее. Но тесто поспело вовремя, пироги тоже, а вот сын с семьей опоздал. Сперва задержался на совещании — бог ведь какие уж там совещания в субботу, тем более в праздничную, но Даня врать не будет, — потом пере-званивал и говорил, что ждут Сашеньку, но приехали все равно без Сашеньки.

Даня смотрел виновато и бормотал про отмену электричек из-за праздника. Лена смотрела еще виноватей, передавала горячие приветы и норовила, еще не сняв пальто, проиграть Лиле присланное Сашенькой видеопоздравление.

Увидев Даню, Лиля вздрогнула — не потому, что он опять пополнил и выглядел утомленным, а потому, что он снова был не похож на того мальчика, который всегда жил в сознании Лили и ради которого она, в общем-то, существовала. Лиля замешкалась, решая, обнять сына или нет, — и когда решилась, было уже неловко. А саму Лилию обняла Лена, ловко, не прерывая щебетания и поиска в телефоне, — вот ведь ушлая какая.

Лиля, придя в себя, старательно рассмеялась, про видео сказала «потом-потом» и велела скорее мыть руки и садиться. Пироги в духовке вот-вот подсыхать начнут, а нам еще

салаты и рыбку попробовать надо. Рыбку надо каждый день есть, по телевизору сказали — особенно в наших условиях.

Даня немедленно забурчал про телевизор и про тех, кто его смотрит, Лена, посмеиваясь, поддержала Лилю: да, рыба ужасно полезна, там фосфор и жирные кислоты омега-3, ой, а это же моя любимая, спасибо, Лиль Васильна, только вы так умеете. Речь Лены журчала, переливалась и могла опять накрыть Лилю теми чувствами, которые заставляют опасть, тихо проливаясь слезами, прохладными и малосольными, и которыми накрываться поздно, да и просто нельзя. Поэтому Лиля торопливо, почти как сын, буркнула, чтобы начинали, и поспешила к пирогам, а выйдя из комнаты, остановилась отдышаться, раздавить спазм, чтобы сглотнулся и не мучил. Получилось. И получилось услышать, как Даня говорит сквозь щебетание:

— Надо было все-таки, чтобы приехала.

Щебетание почти без паузы сменилось жарким шепотом:

— Ну Даня, ну что ребенка мучить. Ей к сессии готовиться...

— Да что ты рассказываешь. Чтобы Санька к сессии — в марте? Любовь очередная просто.

— Ну и любовь, — строго сказала Лена. — Любовь поважнее сессии будет.

— Ну да, привезет она тебе поважнее сессии... Готова сама-то в бабушки?..

Лена хихикнула, но тут же зашептала строже. Лиля больше не слушала — ушла на кухню, на автомате заглянула в духовку, не понимая ни зачем, ни что видит, и точно так же, не понимая, уставилась в окно. За окном было сумрачно и сыро. Раньше Лиля бы сказала «свежо», но теперь это слово не подходило ни к погоде, ни к городу, ни к жизни.

Лилено отражение в стекле тоже было сумрачным, сырым и совсем не свежим.

Она сняла влагу с ресниц, мимоходом порадовавшись, что перестала пользоваться косметикой, беззвучно высморкалась в салфетку, поморгала, рассмотрела себя в стекле и пошла было в комнату, да вспомнила, что приходила проверить пироги.

Пироги были молодцами, хоть в гвардию бери — точны, честны и не подводят. Все бы так. Балиш, мясной с картошкой, потемнел и не протекал бульоном, который Лиля залила в специальное окошко полчаса назад. Заткнувшая окошко пробка из теста тоже потемнела и прикипела к крышке пирога так, что щели не видать. Можно нести. Пирог с калиной тоже доходил, будто опробованный Лилей лишь однажды, но впечатливший навсегда поезд «Сапсан», ровно по расписанию, через полчаса можно будет вынимать.

Лиля, вооружившись прихватками, ловко извлекла и водрузила на дощечку сковороду с балишем, цыкнула на Лену, которая, конечно, прибежала помогать, и торжественно вынесла пирог на стол.

Она все-таки немножко волновалась, срезая и поднимая крышку, пробовать-то нельзя, да и не могла Лиля больше пробовать, — но уже по столбу пара, рванувшему к люстре, было понятно, что пирог удался. Картошка проварилась, мясо под вилкой было мягким, тесто — тонким и твердым, пирог наверняка обжигал нёбо, таял во рту, падал в желудок и оттуда почти слышно звал следующий кусок. Но все равно съесть удалось только крышку и треть начинки. Порцию со своей тарелки Лиля незаметно перебросила Дане — ну как незаметно, Лена заметила, конечно. Виду не подала, на том спасибо.

— Свекровь моя говорила: пока тѣбѣ не съел, умирать нельзя, — огорченно сказала Лиля и пояснила Лене: — Тѣбѣ — это дно, самое вкусное.

— Да-да, помню. Тогда мы брать не будем, вам оставим, а вы не ешьте, — сказала Лена, привычно заливаясь негромким звонким смехом.

— Нет уж, куда мне, старой. Возьмете, Сашеньке... А, да. Она когда приедет-то?

Даня с Леной переглянулись и торопливо заговорили вроде бы разное, но быстро объединенное в «К твоему дню рождения уж точно, да, вот заодно и с Восьмым марта поздравит, да». Настоящая семья — она как хороший древний флакон с притертой пробкой: внутри может карбид бурлить, но наружу не просочится ни флюидика. Тут можно быть спокойной, подумала Лиля и снова поплыла.

Дети, не дождавшись ответа, начали обеспокоенно спрашивать, а Лиля, растерянно улыбаясь, пыталась вспомнить, когда у нее день рождения и сколько ей исполнится. Лена уже вскочила с места и трогала пульс, вкусно дыша укропом и луком — хороший пирог даже на выдохе хорош, — когда Лиля не только сообразила, что ни дата, ни возраст уже не имеют никакого значения, но и опомнилась, поняла, что насмерть всех перепугает, и принялась быстро говорить, еще не понимая, что именно скажет. Получилось нормально, про важность учебы — и сразу удалось не забыть про подарки: вот Дане носочки на двадцать третье, шерстяные, хорошие, ну и сразу Сашеньке сережки на Восьмое марта, мне свекровь дарила, не очень модные, но чистое серебро, может, понравятся.

— А я их помню, — сказал Даня, заулыбавшись, — только у Саньки уши-то пока не проколоты.

— Теперь проколет, — отрезала Лена и принялась вертеть серьги в руках, громко восхищаться, прикладывая к ушам и сетовать на Сашу-балду, пропускающую такое счастье.

Сама хотела вручить, но коли дела, пусть делает, конечно, торопливо, чтобы не соскочить со спасительной кромки, продолжала Лиля, пусть старается Сашенька, учится, место себе хорошее подбирает, дай бог, дай бог, сейчас с работой так сложно и с остальным, ладно хоть... Тут опять пришлось резко менять тему, и снова удачно: вспомнила про пенсии и ввернула, что Сашеньку все эти ужасы с увеличением пенсионного возраста пока не трогают. А ляпнула бы, как собиралась, что ладно хоть с жильем проблем не будет, бывшая Ленина остается, которую Лиля так и не научилась считать своей, — опять начались бы преувеличенные возмущения.

— Нас зато трогают, — воспламенилась Лена. — Фиг нам теперь, а не пенсии. И слова-то, главное, какие: возраст дожития!

Действительно, подумала Лиля, опять соскальзывая в слезливую яму, но быстро поймала себя за шкирку, подняла и отправила готовить чай. Даня и Лена ничего не заметили — Лена вещала, Даня набирался сил для тѐбѐ. Хороший мальчик.

Пока заваривался чай, Лиля догрустила, успокоилась и встревожилась снова. Тревогу она вынесла вместе с чайниками.

— Дань, Лен, а на работе-то нормально? А то как начнут средний возраст чистить, пока наказания за это не действуют — в телевизоре сказали...

— Кто конкретно сказал, имена, явки? — строго спросил Даня.

Лиля привычно рассмеялась. Даня продолжил:

— Да пусть чистят, потом сами...

— В смысле — пусть?.. — испугалась Лена, а Лиля застыла, переводя взгляд с сына на сноху. — Балясников опять, что ли?

— Нормально все, — отрезал Даня, встал и начал разливать чай. Посмотрел на мать и включил режим мягкого увещевания: — Мамуль, реально все нормуль. Не парься. Оксана ценит, а Балясников у нас дурак, но не настолько. Да и не успеет — если что, первый уйду.

— Дань, — сказала Лена.

Даня сделал жест, Лена потупилась.

— Пьем чай, — велел Даня и шумно вдохнул. — Ах, какой.

— Пирог-то! — всполошилась Лиля, бросаясь на кухню. В спину ей потекли два протяжных стога.

— А вот нечего, — строго сказала Лиля, тормознув на секунду. — По куску каждый — и с собой возьмете.

По куску не осилили — Лена отщипнула, Даня куснул и обвис на спинке стула с отваленной челюстью, пялясь тем трагичней, чем громче хохотали дамы, — но с собой забрали и балиш, и с калиной, пообещав пару кусков заморозить и отвезти как-нибудь Саше.

— Да она и свежий поест, на день рождения, если пригласите засранку такую, да, Лиль Васильна? — спросила Лена, улыбаясь. Она уже успела убрать со стола, помыть посуду, рассовать пироги и рыбу по контейнерам и покорно принять большинство контейнеров в пакет, который всучила Дане.

Даня кашлянул — грех не воспользоваться.

— Простыл, что ли? — сурово уточнила Лиля. — Варенье малиновое у вас есть? Вон, возьмите. Берите-берите, у меня три банки, куда мне...

На стоны, уговоры и объятия ушло еще минуты три. Лиля вытерпела. Дверь затворилась, когда сил у Лили не осталось, даже чтобы щелкнуть замком. Она вслепую опустилась на стул, который последние полгода не убирала из прихожей, глубоко вздохнула и заплакала.

Затрещал звонок, незапертая дверь тут же отошла, Лена сунулась со словами: «Ой, Лиль Васильна, я же телефон на зарядке...» — и увидела слезы.

Она рухнула на колени рядом со стулом и стала обеспокоенно выпрашивать, утешать, обнимая и поглаживая по плечам. Лиле было стыдно и неловко — и вообще, и оттого, что любые прикосновения заставляют ее корчиться от боли и омерзения, а Лена может это заметить, а объяснять ничего нельзя. Лиля торопливо вскочила и побежала за телефоном, бормоча, что, наоборот, радуюсь, что вы хорошие такие и что так хорошо у вас всё, а сама просто устала очень, ну и Сашеньку увидеть хотела, чтобы лично сережки вручить, ну и накопилось.

— Авитаминоз, — уверенно сказала Лена, всматриваясь в Лилю с любовью и жалостью. — Вы бы сами малиновое-то, ой, нет, от него потеть будете. Давайте я вам витаминчиков куплю и принесу, прямо завтра — нет, завтра не получится, я ж в Сарасовск, ну на той неделе, до четверга точно. Хорошо?

— Ой, да эти витаминчики обман сплошной, по телевизору сказали...

— Кто конкретно сказал? — грозно поинтересовалась Лена с совершенно Даниными интонациями и сама засмеялась раньше Лили.

— Да уж там говорят, все время. Леночка, ты же взмокла, простынешь.

— Мы в машине, что вы, Лиль Васильна, да и ехать тут — ни согреться, ни замерзнуть не успеешь.

— И успевать не надо. Ты, Лен, не болей. И Даню с Сашенькой береги, ладно?

— Да как всегда, — серьезно ответила Лена, рассматривая Лилю. — У вас все нормально? Потому что...

Телефон в руках Лили запел, она торопливо передала его Лене, та вскинулась:

— Ой, Даня, что-то быстро заскучал. Да-да, все хорошо, в лифте не застряла, спускаюсь уже. Знаешь, кто тебе привет передает? Ма-ама. Помаша маме ручкой. О, Лиль Васильна, машет, сказал.

Лиля заулыбалась, обняла Лену, почти ничего уже не чувствуя, и ласково вытолкнула ее за дверь.

— На той неделе, — пообещала Лена вполголоса, прикрыв микрофон пальцами, и не очень ловко зашагала вниз по лестнице.

Лиля заперла дверь и снова опустилась на стул. Плакать не хотелось, но не хотелось и идти к окну, смотреть, как дети садятся в машину и трогаются со двора на бывшую Ленина, ныне Преображенскую, по-детски маша растопыренными пальцами в сторону окошек — которые все равно закрыты ветками, густыми даже в февральской наготе. Лиля вяло подняла руку, пошевелила пальчиками как бы в ответ, уронила руку на колено и некоторое время ее разглядывала. Клеточки-складочки-пятнышки. Потом вскочила и как могла быстро подошла к окну.

Даня с Леной, конечно, уже уехали. Во дворе никого не было, как обычно в последние полгода, хотя зимой с запахом стало полегче, а дальше, наверное, будет еще легче, не зря же митинг в начале месяца прошел. Только голуби деловито бродили по газону, а их старательно не замечала крупная серая кошка. Лиля то и дело теряла ее из виду, тут же обнаруживая на пару шагов ближе к голубям.

Вечная история — одни подкрадываются, другие спасаются или не успевают, а я смотрю, подумала Лиля. А если бы не смотрела, было бы то же самое — одни бы крались, другие бы пытались спастись. И до меня так было. И когда меня не будет, все останется таким же. А я думала, все это ради меня.

Как глупо. И как несправедливо.

Голуби с шумом вспорхнули и грузно оккупировали голые деревья. Ветки закачались. Кошка презрительно мотнула головой и ушла к мусорным бакам.

Ладно кошку не завела, подумала Лиля.

И ладно сегодня посидели, вот так, ну пусть не ладно, но по-человечески. Хоть это успела.

Лиля подумала, не оставить ли записку Сашеньке, но решила не терзать ни ее, ни себя. И так все останется. Бывшая Ленина лучше, чем записка. Наверное.

Лиля вздохнула, открыла шифоньер, вытащила и положила на обеденный стол похоронное платье, чтобы не искали, и начала собирать сумку в больницу.

Часть первая

*Скажи обмазывающим стену грязью,
что она упадет.*

КНИГА ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

Глава первая

Ему приснилось, что мама умерла. Тихо и незаметно, как и жила. Гроб стоял на табуретах посреди зала и казался почти пустым — если не всматриваться. Он очень старался не всматриваться, но не мог отвести взгляд. Глаза цеплялись за острый носик, за бледные веки на дне пустых будто глазниц, за серые ямы под скулами, за небольшую голову, которую словно для маскировки замотали в белый платок и сунули поглубже в подушку. Глаза цеплялись, наливались слезами, и в них, как в линзе, мамино мертвое лицо росло, а он падал на него, чтобы поцеловать, но это была не мама — у мамы кожа теплая, а тут холодная плотная резина, и пахнет не человеком, а химией. Химию он ненавидел с детства.

Сердце забыло, что делать. Жаркое тяжелое горе поднялось из груди в горло и вытекло коротким стоном.

Он сел в постели, сипло вдохнул, поморгал и поспешно оглянулся.

В спальне было темно и тихо. Небо за окном оставалось серым, двор под окном — пустым, как и другая половина кровати. В туалет, видимо, вышла или согрешить с холодильником. И хорошо, а то опять засуетилась бы, стала спрашивать про дурной сон, а он таких расспросов не любил.

Но сейчас важнее было другое. Вот что важно, понял он: это просто сон, дурной, поганый и оставшийся там, в сырой подушке. Он засмеялся с коротким облегчением, поспешно вытирая глаза, и застыл.

Жаркое тяжелое горе затопило плечи и голову, не оставив ни надежды, ни смысла.

Это был не сон.

Он всхлипнул и затрясся. Услышит же, подумал он со стыдом, но это не помогло — успокоиться не получилось. Он поспешно встал, добрел до ванной и, не включая света, залез под душ. Вслепую отрегулировать воду не удавалось — сперва текла застывшая за полночи в трубах, потом ударил почти что кипяток. Это разозлило, зато отвлекло.

Наконец он справился и некоторое время, уперевшись лбом и локтями в невидимые керамические цветочки, дышал, пока душ острыми прохладными пальчиками не вытолкнул жаркий бессмысленный ужас сперва из головы, потом из плеч и груди. Полностью, конечно, выдавить не удалось — нет в организме краника для слива лишних чувств. Но он пришел в себя — в такого, которого показывать не стыдно. Кому показывать только? Лене, кто еще за мной смотрит-то день и ночь.

Выпить надо, вот что, решил он, вышагнул из ванны, чуть не грохнувшись в темноте, растерся, как смог, небольшим полотенчиком — банного, как всегда, в готовности не оказалось, идешь мыться — бери с собой, а копить не надо, не для того ремонт делали, — влажно дошлепал до кухни и щелкнул выключателем.

Лена вздрогнула с забавным звуком. Она, уперевшись локтями в стол, пялилась в окно, такое же пустое, как и в спальне, и ничего, похоже, не видела и не слышала.

— Дань, ты?.. Чего не?..

Она снова отвернулась к окну, сморкаясь в салфетку — похоже, последнюю: из картонной коробки белый хвост не торчал, зато салфетные комья рядом выстроили солидную горку. Даниил понял, что можно ни на один из вопросов

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru